

Лина Ткалик. **Неизнежности** / поезия

Дніпро. ЛІРА. 2020

УДК 821.161.1(477)'06(081)

Т 48

Ткалик Лина

Т 48 Неизнежности: поэзия. Днепр: ЛИРА, 2020. 240 с.

ISBN 978-966-981-330-5

«Лучший подарок на день рождения — это книга», — подумала я и выпустила сборник в свой собственный 27-летний юбилей. Почему юбилей? Потому что эту книгу я писала все последние 10 лет, а значит — всю свою сознательную жизнь.

Самое забавное в этой истории то, что я прожила 7 лет в пяти минутах ходьбы от издательства «Ли́ра». И ни разу мысль о том, что здесь можно осуществить свою мечту, меня не посещала. Сейчас я влюблена в это место и в процесс подготовки издания. Я влюблена в обложку и рисунки. Художница Ира прочувствовала все мои мурашки и собрала всех моих тараканов в одно целое.

Я очень волнуюсь. Всё происходит впервые. Не случайно здесь столько белого. Эта книга — что-то особенное, новое и чистое. Надеюсь, не только для меня.

УДК 821.161.1(477)'06(081)

ISBN 978-966-981-330-5

© Лина Ткалик, 2020

© ЛИРА, 2020

Предисловие

Если ты думаешь, что эта книга не о тебе, разумеется, ты права. Эта книга обо мне. Я же ее написала. Но если вдруг ты найдешь хотя бы две строчки, которые точно описывают тебя в настоящее время, для меня это будет победой, моей личной победой.

Здесь собрано множество женских истерик: любовь до гроба в 16 лет и ничего серьезного в 32, страх одиночества и «я сама ухожу от тебя, козёл», материнская привязанность и тактика любовницы-куртизанки, вся круговая цепочка от «мне никто не нужен» и «не уходи, я умру». В общем, здесь все состояния любой женщины. За один день. Шутка, конечно. За два.

Насчет названия, по-моему, всё предельно ясно. Книга написана не из нежности. Не скажу, что жизнь меня изрядно побила. Нет, скажем так: она просто дала о себе знать.

Глава 1. Малолетняя любовь

Я предполагаю, что эта книга попадет в руки женщинам примерно моей весовой категории. Нет, не 50–52 кг, в зависимости от дня месяца. Я имею в виду, что это будет женщина лет двадцати пяти, которая три раза любила до гроба, четыре раза решала стать шальной императрицей и умереть в одиночестве, пять раз ходила к гадалке и ни одного — к психологу, меняла мужчин как перчатки, ибо хотелось тепла, а надо было просто купить перчатки.

Эта глава посвящена настоящей — первой и единственной. Единственное, что я вынесла из всех этих совершенных любовей: то, что случалось с каждой из нас в 16–18 лет, больше никогда не повторится. В принципе, всё, что случалось с нами в любом возрасте, больше не повторится. Но хрен с ним! А вот шестнаааадцать лет — другой вопрос. Уверена, каждая из нас помнит свою первую любовь, да так помнит, что аж передёргивает.

Поверьте, не были у него самые теплые руки, и не дарил он самую вкусную кока-колу, и не танцевал он брейк-данс, как король, и не было у него рельефного пресса, да никакого, собственно, и не было. В общем, всё это тебе казалось. Потому что в первый раз, потому что флюиды, потому что растущий организм, потому что секс для девственницы — «это ведь на всю жизнь, а еще дети будут на него похожи».

Дальше ты выросла и встретила ещё одного, пятого, десятого. И доигралась до того, что уже не цепляет. Тут ты уже взрослая, самостоятельная, орешь во всё горло: «где мурашки? запах не тот! ужином дешевым угостил! бицухи нет! машина лоховская!» Ну всё то ладно, а вот где мурашки? И с этим так было, и с прошлым. И сидишь ты уже такая, дууууаешь: где же я свернула не туда? Успокойся, всё туда. Просто ты выросла. Вот и всё. Выросла грудь, вырос мозг, вырос эмоциональный интеллект. Всё закономерно. Я не буду углубляться во все психологические термины, но уверяю тебя: это нормально, когда мурашки перестают быть.

А что, если вспомнить, как это было...

вот первая причина: нет веры — есть плечо.
зачем тебе мужчина, который ни при чём?

вот новая причина: есть палец — нет кольца.
зачем тебе мужчина, в котором нет отца?

ещё одна причина: он ранит, словно нож.
зачем тебе мужчина, с которым ты ревешь?

и главная причина: сама себе спина.
зачем тебе мужчина, с которым ты сильна?

среди сотен чужих изюмин,
среди тысячи мелочей
из мужчин выбирай б е з у м е н.
из мужчин выбирай н и ч е й.

среди тысячи разных станций,
среди города и дорог
из мужчин выбирай о с т а т ь с я.
из мужчин выбирай п о р о г.

если честно, себя не слышу
и не слышала никого.
если рвет от мужчины крышу,
то всегда выбирай е г о.

у нас будет дом. мы будем смеяться звонко.
там будут картины, розы и запах чувств.
у нас будет дом, и мы заведем ребёнка.
заводят собаку, знаю. но я учусь!

у нас будет быт. мы станем реально круче.
забудем про эту всю городскую слизь.
ты будешь Кассель. я буду твоей Белуччи,
хотя вот они, мне кажется, развелись.

у нас будет мир, я больше не буду злиться.
ты также забудешь, как оно хмурить бровь.
у нас будет дом, а в доме родные лица.
у нас будет дом, а в доме всегда любовь.

мы будем стареть: одни на двоих морщины,
одни на двоих манеры, одни пути.
я стану примером женщины для мужчины.

теперь остается только тебя найти.

ты там смотри один не одичай.
я напишу тебе стихи когда-то.
у нас с тобою нет ещё ни даты,
а только: «заходи ко мне на чай».

ты там смотри не спейся, не гуляй.
я не волнуюсь, нет! сама на клубе.
но только ты меня не променяй
на чьи-то нецелованные губы.

ты развлекайся, я-то ни при чем,
ведь я никто. и ты, по сути, тоже.
когда-то я уткнусь в твое плечо
и вдруг пойму, что нет уже дорожке.

я была бы твоей Мадонной,
утопала в тебе бездонно,
приходила посреди ночи,
только ты, дурачок, не хочешь.

я бы стала твоим джек-потом
или меринотом шестисотым,
написала тебе балладу,
но тебе, дураку, не надо.

я бы стала твоей везучей,
я — твой Бог и счастливый случай,
я была бы твоей русалкой,
а тебе, дураку, всё жалко.

научилась бы песне в ноту,
по ночам бы играли в доту,
я была бы первопроходчицей,
но тебе, дураку, не хочется.

это когда я беру его руку, начинаю сама себя гладить.
он смеется, хихикает, тихо ворчит: «ты смешна».
и когда убирает со лба непослушные пряди,
и когда говорит: «ты, наверное, будешь жена».

это когда его руки зажимают мою, как бы прячась,
меня кинет то в дрожь, то в нелепое чувство вины.
и когда мы вдвоем плюем в реку, по-детски дурачась,
он тогда занимает идеи, и мысли, и сны.

это когда моя мама говорит, что я перестала учиться,
что, наверное, нечего так в человеке тонуть.
но моя голова, моя шея, плечо и ключица
просто тянутся в этого милого парня нырнуть.

это когда я уезжаю, а он держит руку на стёклах.
мое сердце теперь неприметная тихая глушь.
я, когда нахожу себя в грустных зеленых поблеклых,
понимаю: он точно мой будущий муж.

по накатанной. опохмелиться.
опустить стакан, пригубив вино.
я боюсь, когда умирают птицы,
и тебя. ты с птицами заодно.

и опять по пьяни искать услады,
коль необходимо и невтерпёж.
я ведь понимаю: спастись надо,
но боюсь, что ты меня не спасешь.

и бывают люди тебя дороже,
но меня не тянет на дорогих.
от тебя мурашками кроет кожу,
но боюсь, ты не замечал таких.

стал для меня прозрением и уроком.
тридцать четвертый номер по февралю.
я умираю с каждым твоим упреком...
я воскресаю с каждым твоим «люблю».

стал для меня десятой стихией ада,
вечно ненужной точкою с запятой.
я умираю с каждым твоим «не надо»...
и воскресаю с каждым твоим «постой».

Я стала тебе подругой. Ты рассказывал мне о своих бывших, несбывшихся, забытых. Я слушала и понимала.

Я стала тебе любовницей. Ты держал меня за волосы, страстно смотрел в глаза и крепко целовал. Я наслаждалась.

Я стала тебе нежной любовницей. Ты гладил мое лицо, убирал волосы за ухо и грел мои колени. Я дергалась от мурашек.

Я стала тебе ребенком. Ты щекотал меня, дурачился, кормил шоколадом. Я смеялась и таяла.

Я стала тебе мамой. Ты рассказывал о своих проблемах. Я думала, как тебе помочь.

Если после всего этого ты меня не любишь, я бессильна. Я сдаюсь.

утопая в безумной страсти,
обжигали свои тела.
это, видно, зовется счастьем,
раз я правильно поняла.

бесконечности на запястьях
типа «я пред тобой в долгу».
это, стало быть, тоже счастье,
раз я так его берегу.

находиться в несменной власти
у любимых до боли глаз.
я, когда говорю о счастье,
я всегда говорю о нас.

я его чувствую пальцами и спиной.
вою своими мыслями на луну.
сколько ни повторяю себе: не ной.
хочется, чтоб он помнил меня одну.

я его чувствую. кожа, дыхание, быт.
мысли, бессонницы, дребезги и уют.
хоть я не стала частью его судьбы,
пью за него, когда за него не пьют.

я его чувствую криком своих сатир,
ветром по коже, пальцами по спине.
если он сменит сотни своих квартир,
он всё равно останется жить во мне.

проблема в вашем человеке
порой, мне кажется, одна:
любовь — когда ныряют в реки,
хоть и совсем не знают дна.

любовь — не «детка» в новом списке,
любовь — не блёска от фаты.
любовь — когда идут на риски,
хоть и боятся высоты.

сменила сотни поколений,
сменила облик и жильё.
любовь — когда дрожат колени,
но чувства делают своё.

любовь — не женские изгибы,
хоть как ты ими поражен.
любовь — когда ты чуешь гибель,
но снова лезешь на рожон.

у меня есть деньги на хлеб и Чивас,
на машины, девочек и усталость.
только ты — одно, что со мной случилось.
только ты — одно, что во мне осталось.

у меня есть гордость, мозги от власти,
гелендваген, дети и ножевое.
но судьба не спустит такого счастья,
чтобы не задеть меня за живое.

и её так радует, рвет и плющит
от меня-холопа, меня-вассала.
ты скажи: чего я такой живущий?
— оттого, что ты меня воскрешала.

приезжай, посидим. за блатным кальяном
ты расскажешь про воздух и про одну,
из которых спишь полуночно-пьяным,
да про Ибицу и луну.

приезжай, посидим. и в порыве рьяном
ты расскажешь про космос (да я зевну),
кто в тебе растет неживым бурьяном
и кто тянет тебя ко дну.

приезжай, посидим. за глухим кальяном
ты расскажешь про женщин и про жену.
я запомню тебя не бухим, а пьяным,
и три вечера не усну.